

Цытин В., *прот.* История Русской Православной Церкви: синодальный и новейший периоды. 3-е изд., испр. М., 2007.

Шавельский Г., *протопресв.* Русская Церковь пред революцией. М., 2005.

Шевцова В. Ф. Православие в России накануне 1917 г. СПб., 2010.

УДК 94(47).081:351.751

С. С. Мешалкина

ИМЕННОЙ УКАЗ 1865 г. «О ДАРОВАНИИ НЕКОТОРЫХ ОБЛЕГЧЕНИЙ И УДОБСТВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье рассматривается влияние цензурного указа «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» от 6 апреля 1865 г. на деятелей культуры и журналистики. Отражена деятельность Министерства внутренних дел. Особое внимание уделяется реакции общественности, нашедшей отражение в мемуарах государственных деятелей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: цензура, институт цензуры, Александр II, В. А. Валуев, общественное мнение, социальный контроль, Министерство внутренних дел.

В начале 1863 г. цензура переходит в ведение Министерства внутренних дел, которое возглавлялось графом П. А. Валуевым. Это был человек достаточно консервативных взглядов, во всем старавшийся выполнять указания императора. Для него, как государственного деятеля, были характерны такие черты, как карьеризм и угодничество, в первую очередь перед императором, а также перед «сильными мира сего», что и объясняло его политику лавирования. Колебания Валуева в тех или иных вопросах политики являлись в какой-то степени отражением колебаний самого Александра II. Газета «Колокол» остроумно заметила: Валуев, как известно, «флюгер, направляемый ветром придворным» [см.: Валуев, т. 1, с. 30]. Он вел решительную и беспощадную борьбу не только с революционно-демократической, но и оппозиционной печатью. «Никогда, – писал И. С. Аксаков, – цензура не доходила до такого безумия, как теперь, при Валуеве. Она получила характер чисто инквизиционный» [Там же, с. 39].

Цензор А. В. Никитенко в своем дневнике регулярно выражает недовольство чрезмерной строгостью Валуева еще до передачи цензуры

в его ведомство. Так, 26 июня 1862 г. он пишет: «Опять неурядица в типографии... сделана ошибка в поправке ошибки по поводу запрещения Аксакову издавать газету “День”. Министр придумал этому чрезмерное значение и сделал типографии и редакции несоответственно строгий выговор. Это с некоторых пор его обыкновенный способ выражать лично мне свое нерасположение... Всякое живое слово в газете вызывает в нем досаду... Газете грозит ограничиваться простою перепечаткою его циркуляров и других официальностей» [Никитенко, т. 2, с. 391]. И на следующий день такая запись: «Поутру предварительно объяснялся с Тройницким. Он подтверждает, что министр недоволен газетою, придирается ко всему и придает особенную важность безделицам, вроде опечаток, упуская из виду главное или не желая на нем останавливаться... Оказывается, что у Валуева гораздо более бюрократический склад ума и гораздо более узкий взгляд на вещи, чем он заставил меня думать сначала...» [Там же].

Новая комиссия Д. А. Оболенского, образованная в 1863 г., за четыре месяца подготовила новый устав о книгопечатании, положив в его основу синтез предварительной и карательной цензур. Председатель комиссии при этом учитывал социально-политические условия общественной жизни страны, государственное устройство. Наконец, 6 апреля 1865 г. Александр II утвердил разработанные Министерством просвещения и Министерством внутренних дел «Временные правила о цензуре». Последовало высочайшее повеление, гласившее: «Желая дать отечественной печати возможные облегчения и удобства, Мы признаем за благо сделать в действующих цензурных постановлениях, при настоящем переходном положении судебной части и впредь до дальнейших указаний, опыта, перемены и дополнения» [О даровании некоторых облегчений..., с. 396]. Таким образом, Указ 1865 г., по мысли законодателя, являлся только первым шагом на пути полного освобождения печати. Он и назывался «временными правилами», хотя просуществовали они вплоть до революции 1905 г. Суть реформы заключалась в переходе от предварительной цензуры к системе предупреждений и запрещений, которые налагались уже после выхода изданий.

По новому цензурному уставу от предварительной цензуры освобождались: «1) в обеих столицах: все выходящие донныне в свет повременные издания, коих издатели сами заявят на то желание; все оригинальные сочинения объемом не менее 10-ти печатных листов и все переводы, объемом не менее 20-ти печатных листов; 2) повсеместно: все издания правительственные; все издания академий, университетов и ученых обществ и установлений; все издания на древних классических языках и переводы с сих языков; чертежи, планы и карты».

Издатели и редакторы таких книг могли быть привлечены к ответственности только судом. Также освобождались от предварительной цензуры правительственные издания, издания академий, университетов и ученых обществ, на древних классических языках и переводы с этих языков.

Издания, которые читались массами, подлежали все-таки предварительной цензуре. Периодические издания – газеты и журналы – освобождались от нее по особым разрешениям и при внесении залога. Но для газет и журналов существовало и другое наказание, в административном порядке: сначала «предостережение», затем временная приостановка издания (до полугода) и, наконец, запрещение [см.: Там же, с. 396].

Оставалась и церковная цензура. Определялась структура цензурных органов: Главное управление по делам печати составляют начальник Главного управления и Совет Главного управления. При Главном управлении есть канцелярия, особые цензоры драматических сочинений и чиновники особых поручений. Этот орган должен был наблюдать за действиями цензоров и цензурных комитетов, а также наблюдать за произведениями печати, выходящими без разрешения цензуры [см.: О некоторых переменах и дополнениях..., с. 397].

Таким образом, от предварительной цензуры освобождалось большинство газет и журналов страны, в России к тому времени провинциальная пресса не получила существенного развития. Закон был направлен на сохранение старого порядка по отношению к периодике, обращенной к массовой аудитории. В 1865–1870 гг. число газет, без учета губернских и епархиальных ведомостей, увеличилось с 28 до 36. И это несмотря на то, что освобождение газет и журналов от предварительной цензуры происходило при внесении ими залога от 2, 5 до 5 тыс. руб. Данная сумма добавлялась к тем значительным расходам, которые нес издатель при налаживании производства. В начале сентября 1865 г., впервые за все время существования русской печати, вышли в свет следующие произведения печатного слова без предварительного цензурного просмотра и одобрения: «Санкт-Петербургские ведомости», «Голос», «Московские ведомости», с 11 сентября – «День», затем – «Современник», «Русский вестник», «Сын Отечества» и др. [см.: «У мысли стоя на часах...», с. 133].

Сразу после принятия закона в газетах появились положительные отзывы авторов и редакторов о новом цензурном документе. Обстановка казалась литераторам обнадеживающей, и в творческих кругах жила вера в наступающую свободу слова. «Сегодня, – писал восторженно в газете «День» И. С. Аксаков, – принимаясь за передовую статью, мы знаем, что прочтем ее в печати в том самом виде, в каком мы ее напишем... Сегодня

кошмар в образе цензора не станет мешать нашей жизни, спирать дух, давить ум и задерживать перо, и получаем неслыханное и невиданное право: не лгать, не кривить словом, говорить не фистулой, а своим собственным природным голосом» [см.: Семанов, с. 188].

Закон 1865 г. был дополнен П. А. Валуевым циркуляром от 10 августа того же года об условиях, которыми должны руководствоваться губернаторы при открытии типографий, а также особой инструкцией цензурным комитетам. Эта инструкция, изданная 26 августа 1865 г., за неделю до вступления в силу закона, довольно цинично комментировала указанные правила о печати. «С освобождением означенных изданий от цензуры, – говорилось в инструкции, – изменяются существенно лежащие ныне на цензорах обязанности. Вместо предварительного рассмотрения предназначенных к печатанию произведений, они должны будут рассматривать уже отпечатанные произведения». Далее подробно перечислялось все то, что не должно было допускаться к печатанию [см.: Валуев, т. 1, с. 43].

Различные судебные иски по делам прессы разрешало Министерство юстиции, и здесь возникло много проблем: не знали точно, как эти иски рассматривать, ведь это было впервые, появлялись, разумеется, и разногласия. Их пытался урегулировать П. А. Валуев, Александр II его поддерживал и одобрял его идеи. В итоге судебное ведомство стало зависимо в делах печати от цензурного ведомства.

Реформы, произошедшие в обществе, мало затронули православную церковь и ее журналистику. Между тем, издательская деятельность Церкви успешно развивалась. С 1860 г. повсеместно был налажен выход епархиальных ведомостей, органов духовной печати при епархиальных кафедрах. К концу XIX в. в России выходило несколько десятков журналов Церкви: «Богословский вестник», «Братское слово», «Вера в разум», «Воскресный день», «Друг истины», «Душеполезное чтение», «Истина», «Православный собеседник», «Радость христианина» и др. Издавались труды духовных академий. Церковь выпускала разнообразную непериодическую литературу. Вся печатная продукция и публичные выступления церковников проходили жесткую духовную цензуру, имевшую стабильный характер. Из формальных новаций следует отметить введение в 1860 г. особой цензуры епархиальных ведомостей. Их цензурирование Святейший синод возложил на лиц из местного духовенства – епархиальных преосвященных. 14–16 января 1870 г. при Святейшем синоде была учреждена комиссия для пересмотра действующих постановлений о духовной цензуре под председательством архиепископа Макария (Булгакова). Духовная цензура по-прежнему руководствовалась уставом духовной цен-

зуры 1828 г. Комиссия считала, что он отстал от потребностей общества и предлагала Святейшему синоду подвести духовную цензуру под закон 1865 г., соединив в государстве всю цензуру в одну – общую – при Министерстве внутренних дел под руководством Главного управления по делам печати, но устав духовной цензуры 1828 г. фактически оставался в силе до начала XX в. [см.: Жирков, с. 152].

Цензурная реформа Александра II вызвала большой общественный резонанс. Конечно, мнения были различными, но все они сходились на том, что это был поворотный момент в развитии журналистики. Не было ни одного издания, которого бы не коснулись преобразования. Как уже было замечено ранее, после того, как император утвердил Временные правила о печати, в журналистских кругах сразу начали появляться положительные отзывы о законе, но, разумеется, это было лишь одно из мнений. Другой лагерь литераторов заговорил о том, что на деле никаких послаблений не будет. По поводу этих правил А. В. Никитенко в своем дневнике 16 мая 1865 г. писал: «Литературу нашу, кажется, ожидает лютая судьба. Валув достиг своей цели. Он забрал ее в свои руки и сделался полным ее властелином. Худшего господина она не могла получить. Сколько я могу судить по некоторым убедительным данным, он, кажется, замыслил огромный план – уничтожить в ней всякие нехорошие поползновения и сделать ее вполне благонамеренною, т. е. сделать то, чего не в состоянии был да едва ли и хотел сделать Николай Павлович». [см.: Никитенко, т. 2, с. 514]. Следует отметить, что Валув недолго оставался на своем посту после принятия цензурного устава – 9 марта 1868 г. он ушел в отставку.

Валуев П. А. Дневник : в 2 т. М., 1961.

Жирков Г. В. Век официальной цензуры. М., 1999.

Никитенко А. В. Дневник : в 3 т. М., 2005.

О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати : Именной указ, данный Сенату от 6 апреля 1865 г. // ПСЗРИ-2. Т. 40. № 41988.

О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях : Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 6 апреля 1865 г. // ПСЗРИ-2 : в 55 т. СПб., 1867. Т. 40. № 41990.

Семанов С. Н. Александр II. М., 2003.

«У мысли стоя на часах...» Цензоры России и цензура / Д. А. Бадалян, В. Г. Безрезина, Л. П. Громова и др. ; под ред. Г. В. Жиркова. СПб., 2000.